

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ «АВТОРИТАРНОГО» ПОБУЖДЕНИЯ В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.И. Изотов

Последующие страницы будут посвящены следующим вычленимым нами русским и чешским функционально-семантическим разновидностям авторитарного побуждения: русские *приказ, запрет, приказание, распоряжение, команда, указание, повеление, заповедь, наказ, поручение*, чешские *přikaz, rozkaz, přikázání, nařízení, povel, pokyn, napomenutí*.

Чешский и русский языки структурируют данную область поля побуждения по разному, соотношения между чешскими и русскими побудительными интерпретациями далеко не всегда однозначные, поэтому предлагаемое далее разбиение на параграфы носит несколько условный характер (не все интерпретации вынесены в названия этих параграфов, некоторые интерпретации упоминаются в нескольких параграфах, некоторые русские или чешские интерпретации не будут иметь формального соответствия в другом языке и т.д.).

Приказ, запрет — *přikaz, zákaz*

В ситуации *приказа* побуждение направлено «сверху вниз», в данном конкретном акте коммуникации говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату позицию¹ и не сомневается, что адресат выполнит (либо по крайней мере попытается выполнить) каузируемое действие.

¹ В. С. Храковский и А. П. Володин отмечают отсутствие прямой корреляции с социальными отношениями типа «начальник» — «подчиненный», «старший» — «младший»: «В каждом конкретном речевом акте говорящий — независимо от того, старший он или младший, начальник или подчиненный, — в зависимости от ситуации может ставить себя либо явше, либо не выше слушающего. Вспомним, например, шекспировского «Короля Лира». Гонерилья — королева в своих землях, Лир — ее отец, но он уже не король, он отдал ей свою власть. Она хочет, чтобы он сократил свою свиту, и просит его об этом (ставит себя не выше — он старше ее, он ее отец), но, видя, что Лир не желает слушать ее, она меняет тон (ставит себя выше): <...> *Вас просит та, кому не подобает Просить, и легче было б приказать* (Перевод Б. Пастернака)» [Храковский, Володин 1986: 137].

Прохибитивным коррелятом *приказа* является *запрет*, т.е. своего рода приказ с отрицанием.

А. Вежицка эксплицирует семантическую структуру приказа и запрета следующим образом:

«Я приказываю тебе сделать Z =

Предполагая, что ты не можешь не сделать того, что я хочу от тебя,
желая тебя побудить тебя сделать Z,
я говорю: я хочу, чтобы ты сделал Z.

Я запрещаю тебе делать Z =

Предполагая, что ты не можешь сделать то, что я не хочу, чтобы ты делал,
желая побудить тебя не делать Z,
я говорю: я не хочу, чтобы ты делал Z» [Вежицка 1985: 263].

Соотносительность приказа и запрета наглядно демонстрируется следующим примером, где «приказ» продолжать сидеть равнозначен «запрету» вставать (обмен репликами происходит между следователем Экснером и доктором Роусом, которого Экснер только что обвинил в совершении убийства), ср.:

«Mohu si jít pro cigaretu?» / «Ne,» řekl Exner a podal mu svoje. «Zůstaňte sedět!» (V. Erben) ‘«Я могу сходить за сигаретами?» / «Нет,» сказал Экснер и протянул ему свои: «Сидите!»’

В русском языке эта соотносительность прослеживается и на лексическом уровне. Так, двувидовой глагол *велеть* синонимичен каузативу *приказать* / *приказывать*. Когда же этот глагол присоединяет отрицательную частицу *не*, он начинает означать уже не столько *не приказать* / *не приказывать*, сколько *не разрешить* / *запретить*:

- (1) Ведь он велел тебе открыть окно — Нет, *не велел* (т.е. не приказал).
- (2) Отец *не велел* (т.е. запретил) включать телевизор.

Возможность неоднозначной интерпретации сочетания *не велеть* обуславливает возможность неоднозначной же интерпретации хотя и не вполне литературного, однако довольно употребительного сочетания *не велено* (‘не было приказа, распоряжения’ ~ ‘нельзя, не было разрешено’) — ср. объяснения солдата-инвалида, почему ему не дали «пенциону полного»: *Полного выдать не велено: Сердце насквозь не прострелено!* (Н. А. Некрасов). Ср. также: Из глубокой ниши в стене выступил штурмовик-часовой с топором наготове. / — *Не велено*, — мрачно объявил

он (А. и Б. Стругацкие). В речи персонажей художественных произведений прошлого века в значении 'нельзя' может встретиться даже сочетание *не приказано* — ср. причитания стряпчего, не получившего обещанной mzды за участие в мошеннической сделке: Р и с п о л о ж е н с к и й . <...> Батюшки мои, да что ж мне делать-то? Смерть моя! Грабит меня, разбойник, грабит! Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить *не приказано!* (А. Н. Островский). Весьма интересен и следующий фрагмент из «Мертвых душ», в котором один и тот же имевший ранее место речевой акт характеризуется одним и тем же говорящим словами *не велено, не приказано, приказ*:

Уже стал он было в сених поспешно сбрасывать с себя шинель, как швейцар поразил его совершенно неожиданными словами:

— *Не приказано* принимать!

— Как, что ты, ты, видно, не узнал меня? Ты всмотрись хорошенько в лицо! — говорил ему Чичиков.

— Как не узнать, ведь я вас не впервой вижу, — сказал швейцар. — Да вас-то именно одних и *не велено* пускать, других всех можно.

— Вот тебе на! отчего? почему?

— Такой *приказ*, так уж, видно, следует, — сказал швейцар и прибавил к тому слово: «да» (Н. В. Гоголь).

Таким образом, *запрет* выступает как прохибитивный коррелят не только *приказа*, но и *разрешения*. Общим признаком, объединяющим запрет и разрешение, является авторитарная позиция говорящего — его признаваемое адресатом право каким-либо образом ограничивать деятельность адресата (запрет) или, наоборот, ликвидировать уже существующие ограничения деятельности адресата (разрешение), ср. мнение А. Вежбицкой о том, что «несколько огрубляя картину, можно сказать, что запрет — это отрицательный приказ, а позволение — это отрицательный запрет» [Вежбицка 1985: 263].

Семантическая соотносительность *разрешения, запрета и приказа* хорошо иллюстрируется следующим фрагментом из романа А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров»:

Он все время видел маму, как ей сообщает: «Ваш сын пропал без вести» и какое у нее лицо, и как отец трет себе щеки и растерянно озирается, и как им холодно и пусто... Нет, сказал он себе. *Об этом думать не разрешается*. О чем угодно, только не об этом, иначе у меня ничего не получится. *Приказываю и запрещаю. Приказываю не думать и запрещаю думать*. Все.

Команда — *rovel*

В качестве особой функциональной разновидности приказа следует рассматривать *команду* (чешск. *rovel*) которая может быть представлена как разновидность категорического побуждения к немедленному началу или окончанию конкретного действия при максимальной обязательности исполнения. Именно поэтому *команда* может восприниматься как нечто превосходящее «просто приказ» по категоричности (команда — это не приказ, а строгий приказ), ср.: Прекрати об этом думать, пришла откуда-то издалека, из окружающего Ранда ничто *команда*, *строгий приказ* (Р. Джордан. Перевод Т. Велимеева, А. Сизикова).

Важной особенностью *команды* следует считать ее более или менее отчетливую «фразеологизованность», что, в частности, предполагает теоретическую возможность задать более или менее исчерпывающий список команд. «Фразеологизованность» команды предполагает определенную ее «деграмматикализацию»: так, русская команда «*Стой!*» (равно как и чешская команда *Stůj!* [Příruční mluvnické češtiny 1996: 604]), в отличие от русского приказа «*Стой здесь!*» (чешского *Stůj tady!*) отнюдь не свидетельствует о том, что ее адресат единичен. Форма единственного числа подчеркивает, что адресат побуждения «понимается как недифференцированная масса, как собирательное множество, поставленное к говорящему лицу в отношение если не подчинения, то, во всяком случае, повиновения» [Виноградов, 1972: 467]. Отметим, что в чешском языке эта «деграмматикализация» проявляется и в оформлении команды первым лицом единственного числа, ср. «*Baštím a nebávím se,*» *křičel svobodník a loupal kolem sebe očima.* (M. Švandrlík) «Жрать! Не развлекаться! [букв. жру и не развлекаюсь]» кричал ефрейтор, тараща глаза». Можно даже говорить о специальном подъязыке (или, вернее, подъязыках) команд тех или иных профессиональных групп — военных, спортсменов, летчиков гражданской авиации и т. д. При этом, как отмечается в специальных исследованиях, «чаще всего подъязык команд состоит из слов с фиксированными для конкретных групп обобщающими значениями, правил образования предложений, а также правил образования высказываний» [Болобова, 1994: 49].

Очевидное для команды требование краткости, компактности обуславливает неуместность использования эксплицитных перформативных формул и отчасти даже полноформенных императивных конструкций, которые заменяются их эллиптическими эквивалентами, ср. чешск. *Upa-*

žít! Dozpívát! K zemi! Vztyk! Rozchod! Vpřed! Ruce vzhůru! и русск. *Огонь! Встать! Лечь! Смирно! Вольно! Руки вверх!*

Нередко команда как бы распадается на две части: первая часть мобилизует внимание адресата, а вторая служит сигналом для исполнения². При этом и в чешском, и в русском языках нередко продлевается конечный слог первой части команды, ср. чеш. *Čelém vzad! K nožé zbraň! Vpravo vbok!* и рус. *Напраа-во! Налее-во! Круу-гом!* (заметим, что количество гласного в чешском языке имеет фонологическую значимость)³.

Тем не менее требования краткости и фразеологизованности мы склонны считать менее важными, чем требование немедленного исполнения, поскольку иногда в качестве *команды* могут характеризоваться речевые акты, никак первым двум требованиям не соответствующие, ср., например:

— Сыграйте и со мной в такую колоду, — весело попросил какой-то толстяк в середине партера. / — Аvek плезир! — отозвался Фагот. — Но почему же с вами одним? Все примут горячее участие! — И скомандовал: — Прошу глядеть вверх!.. (М. Булгаков).

Яванна, осмотрев деревья, сообщила:

— Плохо дело. У меня запчастей нет, разве что стрелнуть у кого... Я конечно ничего такого в виду не имею, но вот сильмарили как раз бы подошли.

И тогда заговорил Манве:

— Осуждённый Феанор [владелец сильмарилей], вам *команда* ясна? (О. Свердлов).

Указание — рокун

В качестве особого социально значимого подтипа побуждения может быть выделено *указание* (чешск. *rokun*), так же, как и *команда*, характеризующееся суженной сферой употребления: с указаниями мы встречаемся «...прежде всего в служебных разговорах, когда, например, руководящий работник дает задания своим подчиненным» [Müllerová 1979:

² Тенденция к образованию двусоставных команд обуславливает появление в чешском языке тавтологических структур типа *Zastavit stát! Pochodem vchod! Poklusem klus!* [Mluvnice češtiny 1987: 340], [Příruční mluvnice češtiny 1996:604].

³ Измененный фонетический облик употребляемых в составе команды слов может фиксироваться даже в художественном тексте. Ср.: <...> выйдя из камеры и увидев мужиков, которые толпятся и говорят о чем-то, он по привычке, с которой совладать уже не может, вытягивает руки по швам и кричит хриплым, сердитым голосом: — *Наррод, расходишь! Не толпись! По домам!* (А. П. Чехов); [сержант — строю новобранцев:] — *Слиш меня!.. Внима.. Млчать!..* (Р. Хайнлайн. Перевод А. Дмитриева).

69], ср. приводимые авторами «Чешско-русских речевых параллелей в темах и ситуациях» в качестве эквивалентных русский и чешский тексты, содержащие побудительные речевые акты рассматриваемого типа:

— Александр Петрович, к вам практикант. Вы его примете?

— Дайте мне его направление. Владимир Гавлик, студент 4-го (четвёртого) курса МИИТа. Направляется для прохождения производственной практики.

— Он в приёмной. Пригласить?

— *Пригласите. И позвоните в отдел эксплуатации. Пусть от них кто-нибудь присутствует.* [Здесь и в чешском эквиваленте шрифтовое выделение наше — А. И.]

— Alexandře Pertoviči, přišel za vámi praktikant. Přijmete ho?

— Dejte mi jeho umístěnku. Vladimír Havlík, student čtvrtého ročníku MIIT. Je poslán na výrobní praxi.

— Je v přijímací kanceláři. Mám ho zavolat?

— *Zavolejte ho / Pozvěte ho sem. A zatelefonujte do provozního oddělení. Ať je někdo od nich u toho* [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988: 36].

Рассмотренные выше подтипы побуждения (русск. *приказ, запрет, команда, указание*; чешск. *příkaz, zákaz, povel, pokyn*) выделяются как в русском, так и в чешском языковом пространстве и более или менее однозначно соотносятся между собой. При более детальном членении данного участка поля побуждения чешский и русский языки будут все более расходиться.

Распоряжение — nařízení

К качеству примера неполного соответствия можно привести пару русск. *распоряжение* — чешск. *nařízení*. Оба понятия (и русское *распоряжение*, и чешское *nařízení*) вычлениваются из понятия более общего (из русского *приказ* и чешского *příkaz*), оба так или иначе ассоциативно связаны с идеей упорядочения, устройства, управления (ср. однокоренные русск. *порядок, упорядочить*, чешск. *řízení, zařídit, řídit*), ср.: Každý den přinášel nové instrukce, návody, dotazníky a nařízení (J. Hašek) ‘Каждый день приносил новые инструкции, наставления, анкеты и распоряжения’ (перевод П. Богатырева). Нам, однако, представляется, что чешское *nařízení* менее отчетливо, чем русское *распоряжение*, вычленивается из общего понятия *приказ* — *příkaz*.

Так, в произведениях А. и Б. Стругацких в качестве *приказа* характеризуются высказывания, содержащие одно побуждение, а в качестве *распоряжения* — содержащие более одного побуждения, ср., например: — Кладите этого сюда же, — *приказал* он Панди; — Замолчи, —

приказал Максим; — *Вели* обед на двоих, — *приказал* он на ходу; Поупражнявшись минут десять в выпадах и отражениях, Румата воткнул мечи в стену, нагнулся над пустой лоханью и *приказал*: «*Дей!*» — *За упряжкой*, — *приказал* Антон и откинулся на спинку кресла; Окончив инструкции, господин ротмистр Чачу *распорядился*: Капрал Гаал, *останьтесь*. Остальные *свободны*; Затем роту отвели к казарме, и ротмистр *распорядился*: — Первая секция *назначается* в конвой. Остальным секциям *приступить* к занятиям по распорядку⁴.

Наш чешский материал о подобном распределении говорить не позволяет: в качестве *nařízení* могут характеризоваться высказывания, содержащие одно побуждение (ср. — *Popište onoho muže!* — *nařídil* policejní komisař (J. Marek) ‘«Опишите этого мужчину», сказал [букв. распорядился] комиссар полиции’), а в качестве *příkaz* — содержащие более одного побуждения (ср. *Přikázal přísně Lidušce: Lído, plavat. Postavit na kafe a pak dodělat ten příklad* (J. Procházka) ‘Он строго сказал [букв. приказал] Лиде: «Лида, шевелись. Поставь воду для кофе и доделывай свой пример»’).

На наш взгляд, показательно и то обстоятельство, что в вводимых в качестве функционально эквивалентных чешских и русских высказываниях чешскому *příkaz* может соответствовать и *приказ*, и *распоряжение*, ср.:

- Кто *распорядился* остановить работу?
- Только что позвонил главный инженер.
- И что он сказал?
- Сказал, что будет через час-полтора сам.
- Будем ждать. *Приказ* есть *приказ*.

- Kdo *vydal příkaz* zastavit / přerušit práci?
- Právě telefonoval hlavní inženýr.
- A co řekl?
- Řekl, že přijde osobně za hodinu až hodinu a půl.
- Tak budeme čekat. *Příkaz* je *příkaz*.

- А если они откажутся?

⁴ Следующие примеры, казалось бы, не подтверждают эту закономерность, однако нетрудно заметить, что в них всех «авторская ремарка» следует непосредственно на первым из побуждений, так что формально они этой закономерности не противоречат: — *Слезай* вниз, — *приказал* я строго, — и *отвечай* на вопрос; — *Сядь* перед упряжкой, — *приказал* Антон, — и *поговори* с ним; — *Пусть* хозяин *катит* бочку, *приказал* он, а эти девочки (он указал на караульных гвардейцев, игравших в карты за другим столом, *пусть идут* сюда.

— Не откажутся!
 — А все-таки?
 — Тогда скажите, что это *распоряжение* министерства.
 — Простите, я не знал, что было такое.
 — Было. Возьмите на всякий случай с собой копию.
 — A když to odmítnou?
 — Neodmítnou to.
 — A kdyby přece jenom?
 — Tak řekněte, že je to *příkaz* (z) ministerstva.
 — Promiňte, nevěděl jsem, že takový *příkaz* existuje.
 — Existuje. Pro každý případ si s sebou vezměte kopii [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988: 37].

Заповедь — *příkázání*

О неполном соответствии можно говорить и в случае с парой русск. *заповедь* — чешск. *příkázání*. Конечно же, речь пойдет о безусловно соотносимых понятиях. Так, в обоих сопоставляемых языках они обозначают подтип побуждения, к отличительным признакам которого относятся: а) стилистическая маркированность, б) ритуализованность; в) максимальная степень обязательности. И русская *заповедь*, и чешское *příkázání* характеризуется ограниченной сферой употребления, ср., например, известные *desať zaповедей* (*desaťero příkázání*) из 5 главы Второзакония.

Однако в то время, как чешское *příkázání* мотивируется тем же глаголом *příkázat*, что и *příkaz*, вступая в силу этого с последним в очевидные ассоциативные связи⁵, русская *заповедь* мотивируется глаголом *заповедать*, маркированным (в отличие от мотивирующего *приказ* глагола *приказать*) как явный церковнославянизм. Обособлению *заповеди* от *приказа* (как общего понятия) способствуют и две примыкающих к ней семантически и стилистически близкие интерпретации — *наказ* и *повеление*.

Наказ

С *наказом заповедь* объединяет некая ритуализованность, отличает же то, что предписанное *заповедью* становится обязательным к выполнению уже навсегда, «время действия» *заповеди* неограниченно, презент-

⁵ Авторы брненской «Настольной грамматики чешского языка» упоминают *příkázání* в параграфе **Rozkaz / Příkaz** помещая его в скобках после *příkaz*, то есть фактически дают его как вариант последнего [Příruční mluvnické češtiny 1996: 603].

но-футуральная перспектива побуждения бесконечна, *заповедь* можно **исполнять**, но нельзя **исполнить**, *наказ* же более конкретен — даже если речь не идет об однократном действии, темпоральные ограничения налицо, *наказ* должен не только **исполняться**, но и **быть исполненным**. Несмотря на бесспорную маргинальность, и *наказ*, и *заповедь* продолжают существовать в русском языковом пространстве поля побуждения, о чем свидетельствует, в частности, оперирование этими понятиями современными авторами, ср., например, некоторые фрагменты из [Журавлева, Макеев 1997] и [Горелов 1988]: Моральные *заповеди* патриархального мира для Катерины полны своего первоначального смысла (А. И. Журавлева); Дети охотно выражают свою покорность, выслушивают наставления, нисколько не придавая им значения, и потихоньку нарушают все эти *заповеди* и *наказы* (А. И. Журавлева); Когда Кабаниха заставляет сына давать ритуальный *наказ* жене, как жить без него, как вести себя в отсутствие мужа, ни она сама, ни Тихон, произнося «не заглядывайся на парней», не подозревают, насколько все это близко к ситуации в их семье (А. И. Журавлева); Характерен по центральному ударению и *наказ*, который дается царем Платову: «*Поезжай* на тихий Дон и *поведи* там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится» (А. А. Горелов).

Повеление

Повеление, в отличие от *заповеди* и *наказа*, не ритуализованно (т.е. не маркировано в качестве такового), с *наказом* его сближает конкретный характер побуждения (*повеление* обычно может не только исполняться, но и быть исполнено), а с *заповедью* — абсолютность авторитета Прескриптора: *велеть* может кто угодно (лишь бы его социальный статус был выше социального статуса Агенса), а *повелеть* / *повелевать* — только Господь⁶ или, по крайней мере, монарх, ср. два примера из одного и того же литературного произведения: Комендант подозвал капрала и *велел* ему взять лист из рук убитого казака (А. С. Пушкин); После обыкновенного приступа он объявил ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастью, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца,

⁶ Здесь *повеление* пересекается с *заповедью*, ср. комментариев к двум названным *десяти заповедей*: Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как *заповедал* тебе Господь, Бог твой. <...> Почитай отца твоего и мать твою, как *повелел* тебе Господь, Бог твой.

решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, *повелела* только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение (А. С. Пушкин).

Именно в подобных случаях *повеление* используется в современном русском речепотреблении, ср. употребление формы *повелеваю* в классическом переводе романа Я. Гашека: [императорский указ:] Přerplněn bolestí nařizují, aby s.k. pěš. pluk čís. 28. pro zbabělost a veležrádu byl vymazán z mého vojska (J. Hašek) 'Преисполненный горечью, *повелеваю* вычеркнуть императорский королевский 28-й пехотный полк из списков моих войск за трусость и измену' (перевод П. Богатырева).

Если же социальная роль Прескриптора более скромна, характеристика побуждения в качестве *повеления* служит средством создания иронического эффекта, ср.: — Мистер диГриз, у меня *приказ*. От самого Инскиппа. / — И что же наш дражайший шеф *повелевает*? (Г. Гаррисон, перевод А. Соловьева); Президент погрозил пальчиком и велел жить дружно. Строго говоря, он велел им восстановить «семибанкирщину». Несмотря на это *повеление*, Киселев по НТВ более или менее мягко, а Доренко по ОРТ резко продолжают нападать на Чубайса и Немцова (Русская мысль 1997. № 4190).

При этом следует подчеркнуть, что формы *велел, -а, -и, велит, вели, велю*⁷ в норме используются не для обозначения *повеления*, а в качестве общего понятия для группы «авторитарных» побудительных интерпретаций (*велеть* = 'высказать / высказывать свою волю, одной которой достаточно, чтобы сделать выполнение каузируемого действия для Агенса обязательным'), конкурируя с формами *приказал, -а, -и, прикажет, прикажи, приказываю*, ср.: «Возвратившись к себе, — говорится в «Записках», — я была преисполнена восторгом и удивлением при виде клавиатур, которые тайком от меня моя милая Зинаида Волконская *велела* привязать к моей кибитке...» (К. Чуковский); «...Барин сам увидит, что плоха избушка, И *велит* дать лесу», — думает старушка (Н. А. Некрасов); Я это вижу и *велю* конюхам: «Ташите, говорю, скорее с него, мерзавца, узду долой». Те ушам не верят, что я им такое *даю приказание*, и глаза выпучили. Я говорю: «Что же вы стоите! Или не слышите. Что я вам *приказываю* — то вы сейчас исполнять должны!»

⁷ Речь идет о неперформативном использовании формы *велю*. В составе перформативных высказываний эта форма в современном речепотреблении неузвальна, хотя и возможна (с различными стилистическими эффектами), ср., например: А из глуби как из выси Голос Пушкина пропел: Вы страдайте — веселитесь, Сам терпел и вам *велю* (Д. А. Пригов).

(Н. С. Лесков); Тупой и скорый на расправу Медведь говорит: «На что тут много разговоров? *Вели* без дальних сборов Овец передуть. Кому о них жалеть?» Однако прямой *приказ*, бросающий тень на Льва, непригоден, как и грубая сила. (В. И. Коровин).

Поручение

Лишь условно соотносятся между собой русское *поручение* и чешское *poručení*⁸. А. Вежбицка определяет *поручение* следующим образом:

Я поручаю тебе сделать это =

Предполагая, что путем говорения этого
я могу сделать так, что ты будешь иметь право
это сделать,
желая сделать так, чтобы ты имел право это сделать,
я говорю: я хочу, чтобы ты имел право это сделать [Вежбицка 1985:
265].

Иначе говоря, для А. Вежбицкой ‘поручать’ значит ‘уполномочивать’: согласно сказанному, именно данный оттенок значения (‘наделение правом совершить каузируемое действие’) противопоставляет *поручение* другим побудительным интерпретациям данной подгруппы (побудительные интерпретации, маркированные по признаку «авторитарное побуждение» — условно «приказ»). Впрочем, речь идет о привативной оппозиции, а никак не об эквиполентной: ‘наделение правом совершить каузируемое действие’ предполагается, если авторитет Прескриптора достаточно высок не только для Агенса, но и для тех, чьи интересы данное каузируемое действие может задевать и кто мог бы этому действию воспротивиться. Так, когда в известной поэме М. Ю. Лермонтова православный царь *велит* кому-либо «по всему царству русскому широкому торговать безданно, беспошлинно», его повеление касается не только того, кто будет торговать, но и того (и прежде всего того!), кто может попытаться пошлину взыскивать.

Мы, однако, склонны полагать, что хотя оттенок значения ‘наделение правом совершить каузируемое действие’ действительно характеризует семантический потенциал *поручения*, актуализуется этот признак далеко не во всех употреблениях русского глагола *поручить*. Что же касается чешского языка, то данный оттенок значения выражается ско-

⁸ Речь идет о втором, сейчас уже неупотребительном значении этого слова: «**poručení**, -í s. <...> † 2. *nařízení, rozkaz, příkaz*: dostat p. odjeti (Jir.); pečeti opatřené p. císařské <...> [SSJČ 1989].

рее не глаголом *poručit*, а глаголом *pověřit*, ср.: *Mě pověřil divisijní soud, jako vašeho představeného, vyslechnout vás a zaslá mně současně celé spisy tykající se vyšetřování* (J. Hašek) ‘Дивизионный суд *поручил* мне, как вашему начальнику, допросить вас и одновременно посылает мне материалы следствия’ (перевод П. Богатырева). Мы считаем, что для русского речеупотребления характерна актуализация другого содержащегося в семантическом потенциале *поручения* оттенка значения — каузируется действие, исполнение которого важно для Прескриптора. Поэтому для вычленения *поручения* из общей подгруппы «авторитарных» побудительных интерпретаций важен не только признак ‘наделение правом совершить каузируемое действие’, но и признак ‘важность исполнения каузируемого действия для Прескриптора’⁹. Во всяком случае мы намерены постулировать это для русского языкового пространства, причем речь опять пойдет о привативной, а не об эквиолентной оппозиции: дивизионный суд может не только *поручить* полковнику разобраться с провинившимся подчиненным, но и *приказать* сделать это и смысл высказывания от этого не изменится — как *по поручению*, так и *по приказу* полковник будет делать то, что нужно для Прескриптора, тогда как если царь не *велит*, а *поручит* кому-либо «торговать безданно, беспощинно», смысл высказывания изменится весьма кардинально (можно будет предположить, что сам царь каким-либо образом заинтересован в полученной таким образом лишней прибыли). Данное противопоставление (*поручить* — *приказать*) в русском речеупотреблении часто нейтрализуется: первый же пример параграфа **1.12. Распоряжение, указание, приказ** в [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988] выглядит как «У меня к вам небольшое *поручение* [курсив наш — *А. И.*]», ср. также: — Я благодарна вам за наставление, но должна следовать своим путем и исполнять *поручение*, возложенное на меня Престолом Амерлин. / — Которая мертва, — холодно парировала Бэйр. — Ты намерена подчиняться *приказам* мертвой женщины (Р. Джордан. Перевод Т. Велимеева, А. Сизикова).

В современном чешском речеупотреблении эта нейтрализация имеет практически абсолютный характер: формы глаголов *přikázat / přikazovat* и *poručit / poroučet* регулярно употребляются одними и теми же авторами в сходных контекстах в сходном значении, ср. неко-

⁹ Сказанное, естественно, никак не является ни «опровержением» А. Вежицкой, ни упреком ее переводчику: исследовательница анализировала не русские, а английские перформативные глаголы, и мы не собираемся взваливать на кого-то ответственность за несовпадение английской и русской (чешской) языковых картин мира.

торые примеры из популярного когда-то сериала о майоре Земане: — *Jděte* otevřít, — *přikázal* mu, — *podívejte* se. Ale *myslete* přitom, že vám pořád mířím na záda (J. Procházka) ‘«Идите откройте», приказал он ему, «посмотрите, кто там. Но при этом помните, что я целюсь вам в спину»’; Namířil na ni pistolí a *poručil*: — Lžeš. *Jdi* stranou! (J. Procházka) ‘Он направил на нее пистолет и приказал: «Ты врешь. Отойди в сторону!»’; Lidušce na odchodnou *přikázal*: — Mámě *vyříd*, at’ mě dnes radši pečeká (J. Procházka) ‘[дочери] Лиде он сказал [букв. приказал]: «Передай маме, пусть меня сегодня лучше не дожидается»’; [муж — жене:] — *Dej* mi něco jíst, — *poručil* nakvašeně (J. Procházka) ‘«Дай что-нибудь поесть», сказал [букв. приказал] он кисло’.

В соответствии с данными [ЧРС 1976], различия между глаголами *rozkázat*, *přikázat* и *poručit* состоят фактически лишь в том, что у двух последних возможны некоторые дополнительные, лексически связанные значения, ср.:

rozká||zati³¹⁰, **-žu, -ži** *dok. komu co n. s inf.* приказать *I кому s inf., (от)дать* приказ, велеть II кому s inf.; распорядиться *II s inf.

přiká||zati³¹¹, **-žu, -ži** *dok. 1. komu co n. s inf.* приказать *I кому s inf.; от-
дать* приказ n. распоряжение кому в чём, распорядиться *II o чём. 2. komu co
(byť, pokoj ap.) дать*, отвести*I кому что. 3. koho kam (služebně, na práci ap.)
определитьII, назначитьII кого куда.

poruč||iti³⁵⁶, **-ím** *dok. 1. komu co n. se sp. aby* приказать*I кому s inf. 2. ~it si
co (večeři ap.) заказать*I (себе) что.

О том, что в чешском языковом сознании речь идет фактически об одном и том же подтипе побуждения, свидетельствует и то, что побуждение, выражаемое с помощью перформативных конструкций, содержащих формы *přikazují*, *rozkazují*, *poručím*, характеризуется одним термином, выглядящим как *rozkaz* (*přikaz*) [Mluvnice češtiny 1987: 339], ср. также [Müllerová 1979], [Příruční mluvnice češtiny 1996]). Впрочем, мы можем столкнуться с оговоркой, что хотя *rozkaz* и *přikaz* семантически очень близки, их иногда пытаются развести, утверждая, что первым каузируется какое-то однократное действие, тогда как «срок годности» второго более продолжителен [Mluvnice češtiny 1987: 339]. Если это так, то чешские *rozkaz* и *přikaz* в определенном плане соотносятся как русские *приказание* и *приказ* — в то время как чешский *rozkaz* и русское *приказание* используются исключительно для обозначения одного кон-

кретного подтипа побуждения, близкого к *команде (povel)*¹⁰, русский *приказ* и чешский *příkaz* может использоваться также в качестве общего понятия для группы «авторитарных» побудительных интерпретаций.

Napomenutí

Элементом «авторитарного» участка чешского поля побуждения, не имеющим формального аналога в русском языковом пространстве, является *napomenutí* [букв. напоминание], которое О. Мюллерова определяет как «вариант приказа и запрета, реализующийся прежде всего в определенных ситуациях, чаще всего в школе, в семье, при общении взрослых с молодежью и т.п.» и иллюстрирует следующим сопровождаемым комментарием примером:

«Na p o m e n u t í

- 26C hm dobře no jenže ty neznáš dvanáct písniček ták
27B znám
28C to neznáš
29B sem to počítal
30C tak počítej kolik znáš písniček já tě poslouchám no počítej si na prstech kolik znáš písniček no tak spadneš

Один из родителей разговаривает с ребенком, при этом не только учит его, но и обращает внимание на его поведение, безопасность и т. д. В последней части реплики 30, не связанной по смыслу с тем, что ей предшествует, он велит [букв. напоминает] ребенку сидеть спокойно» [Müllerová 1979: 69, 70]. Ср. также: Řekni mu tedy, že jsem tě *napomínal*, abys byl hodnej a dělal mu všechno, co mu na očích vidíš (J. Hašek) ‘Скажи ему, что я велел [букв. напоминал] тебя быть послушным и выполнять все, что он ни пожелает’; «Tiše» *napomenul* ho polohlasně, «říkáte, že o ničem nevíte. Dobře. Vyličte mi tedy, co jste dělal od pondělka odpoledne až do chvíle havárie» (V. Erben) ‘«Спокойно», сказал [букв. напомнил] он негромко, «вы говорите, что ничего не знаете. Хорошо. Тогда расскажи-

¹⁰ Не случайно чешский *rozkaz* часто переводится русским *приказанием*, ср.: Zasalutovav podal jí dopis a hlásil: «Podle *rozkazu* pana obrlajtnanta mám se k vám, milostpaní, chovat uctivě a taktně a obsluhovat vás uctivě a udělat vám všechno, co vám vidím na očích» (J. Hašek) ‘Швейк взял под козырек, подал ей письмо и доложил: — Согласно *приказанию* господина обер-лейтенанта, я обязан вести себя с вами, сударыня, учтиво и тактично, служить не за страх, а за совесть и исполнять все ваши желания, которые только прочту в ваших глазах’ (Перевод П. Богатырева).

те, что вы делали в интервале между полуднем понедельника и моментом аварии»⁷.

Нередко данный подтип побуждения осложняется коннотацией упрёка, ср.: «Lído!» *napomenula* jí. «Takhle se nemůžeš chovat!» (V. Erben) ‘«Лида!», одернула [букв. напомнила] ее мать, «не смей так себя вести!»’

В заключение следует отметить, что в русской языковой картине мира авторитарное побуждение значительно прочнее, чем в чешской, связано с идеей волеизъявления, что в частности проявляется в узуальности лексемы *велеть* в сообщениях об имевших место речевых актах данного типа.

References

- Арутюнов А. Р., Паролкова О., Лизунов В. С.* Чешско-русские речевые параллели в темах и ситуациях. М., 1988.
- Болобова О. П.* Лингвистический аспект обеспечения надежности восприятия команд в автомобильном спорте // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. М., 1994. С. 49-54.
- Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 251-275.
- Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Горелов А. А. Н. С.* Лесков и народная культура. М., 1988.
- Журавлева А. И., Макеев М. С.* Александр Николаевич Островский. М., 1997.
- Рождественский Ю. В.* Техника, культура, язык. М., 1993.
- Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
- Чешско-русский словарь. 2 тт. // Под ред. *Л. В. Копецкого и Й. Филиппа*. Москва—Прага, 1976.
- Mluvnice češtiny*. Praha, 1987. D. III.
- Müllerová O.* Komunikativní složky výstavby dialogického textu. Praha, 1979.
- Příruční mluvnice češtiny*. Brno, 1996.
- Slovník spisovného jazyka českého* / Red. *B. Havránek, J. Bělič, M. Hechl, A. Jedlička, V. Křístek, F. Trávníček et al.* Praha, 1989. Dd. I; II; III; IV; V; VI; VII; VIII [2. vyd.].
- Изотов, А.И.* Функциональные разновидности «авторитарного» побуждения в чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. - М.: Филология, 1998. - Вып. 3. - С. 52-66. - ISBN 5-7552-01-12-9